

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Мысли вслух о международном праве, и не только

*Ильин Ю.Д.**

Сегодня у меня очередные две пары лекций по международному публичному праву. Тема стандартная: международное гуманитарное право. Читана она много раз, и казалось бы, здесь все ясно, вплоть до реакции и вопросов студентов. Но международная жизнь-золотка порой подкидывает такие случаи, которые заранее не предвидеть; особенно сейчас, после вторжения англо-американцев в Ирак и оккупации ими этой страны. Заранее знаешь, что тот маленький умный контингент студентов, который едва замечен в общей массе недорослей, обязательно подкинет пару-тройку неудобных вопросов. Эти вопросы преподаватели не очень любят, поскольку они провоцируют политические аргументы, оценки и даже споры.

Итак, удобно устроившись в углу вагона метро, листаю «Московский журнал международного права»: если ничего не найду по теме лекции, то все равно, возможно, полезно самообразуюсь. Почему «возможно»? Потому что журнал этот становится все как бы умнее, как и наука международного права вообще, а значит, читать его надо с напряжением. А напряжения в жизни и так хватает.

В общем, еду я, в меру напрягаюсь, даже своего рода «кайф» испытываю, но слышу: ближе к центру вагона какой-то шум пошел. Поднял я от журнала голову и, как и все, уставился на источник шума. А там пытаются согнать с места повесу, наверняка студента; видно это по лицу, не озаренному излишним интеллектом. Таких фонвизинцев сейчас в вузах развелось много, часто даже толком не поймешь: в вузе ты

* Ильин Юрий Дмитриевич – к.ю.н., профессор МГОУ.

находишься или в каком-нибудь ПТУ. Я не хочу сказать, что везде так. Говорят, что МГИМО устоял, что там и интеллект не угас, да и внешний вид студентов впечатляет. Так говорят. Сам там давно не бывал, но такие разговоры мне приятны: все-таки моя альма-матер.

Шум постепенно утих, но не потому, что повеса поднял свои телеса и уступил место пожилой женщине. Нет, так он не сделал. С места ушел сидевший несколько дальше курсант Академии МВД.

Конфликт угас, но у меня он вызвал мысли не совсем в тему. На странички журнала я вроде бы и смотрю, но думаю не о том, что там написано, и даже не о предстоящей лекции.

Впрочем, это как на все посмотреть. Сам по себе случай с наглым повесой о многом не говорит. Это раньше, в пору моей молодости, в 50-60-е годы, уступить место старшему считалось в порядке вещей; и поздороваться с преподавателем (не до экзамена, а после) тоже грехом не считалось; и оценку на экзамене канючить или списывать – позорным считалось; и гулять по залу в ходе лекции казалось невозможным; и просто ходить на занятия и пытаться чему-то научиться было делом нормальным. Сейчас все наоборот, хотя, простите, опять-таки, видимо, не в МГИМО – там, говорят, традиции остались. И слава Богу, значит, закваска есть; придет время, и весь студенческий замес России заквасить ей можно будет.

Выходит все-таки, что-то нормальное, что было расхожим еще двадцать-тридцать лет назад куда-то ушло. Ушло? А может, ушли? Может, нелады у нас пошли с системой образования и воспитания молодежи? Но нелады сами не ходят, их, как на помочах, на указах и приказах водят. Да и образ жизни роль свою – положительную или отрицательную – играет.

Пожилая дама, которой место уступили, оказалась воинствующей. Ладно еще, когда она сражалась за место, но она и теперь продолжала если не шуметь, то бурчать. Это отвлекало меня от наивных мыслей о делах вузовских. И подумалось о другом: почему молодые ребята сейчас столь непохожи на нас, тех самых шестидесятников, о прелестях которых нам плешь проели творческие интеллигенты. Было то поколение умным, мыслящим, динамичным, политически активным? Да, было, если судить по результату: ненавистную им советскую власть они свергли. Тогда зададимся вопросом: а почему поколение шестидесятников таким стало? Само по себе, вопреки общественной жизни, системе образования и воспитания или благодаря всему этому?

Вопреки – не получается. У нас сейчас есть свой образ жизни, система образования и воспитания, и что видим: вузовский контингент с каждым годом все хуже. А ведь Министерство образования и в самом деле активно хочет улучшить дело, но ...намерения благие, а в рай почему-то не ведут: и образованность молодежи (общая, а не отборная для конкурсов) снижается, и нравственный потенциал падает, и налицо политическая атрофия. Кто-то скажет, что, мол, подрастет молодежь, жизнь их обкатает, вот и наберутся они ума. Но откуда ум этот взять? Из жизни? А жизнь какая?

Нет, все это упрется в политику. Вернемся лучше к нашим баранам..., ой, простите, я хотел сказать – к молодежи.

Вот дамочке, которая брюзжит, молодые люди не нравятся. Я тоже себя попустил и отметил у студентов ряд нелестных качеств. Но, поглядывая на дамочку, не могу прогнать мысль, что дамочка эта, как и вся лучшая и якобы слабейшая часть нашего населения не стоит в стороне. Это она – эта прекрасная часть – формирует наших будущих мужчин. Кто воспитывает мальчиков в детских садах? Женщины. А дома? Мамы и бабушки. А в школе? Женщины. А внутри класса? Девочки, которые, развиваясь физиологически быстрее, лидируют, определяют формирование мужских черт мальчиков. И в каком направлении идет это формирование? В женском! В чем оно проявляется? В том, что молодые люди наши эмоциональны не в меру, их все время швыряет в крайности: от гордыни к унижению, от наглости к трусости, от категоричности к соглашательству, от разумности к дурости, от хлесткой честности до примитивной лжи, а апофеоз того и другого – необязательность. Сколько раз ставил эксперимент: на нытье с просьбой повысить оценку говорил студенту: «Хорошо, я так сделаю, но с условием, что такой-то раздел курса вы освоите и позже ко мне подойдете и сдадите». Сколько раз так делал, столько и был обманут. К девочкам это, пожалуй, не относится, они все-таки, хоть и не всегда, обещание исполняют.

С молодыми людьми сложность в том, что прививаемое им с пеленок и до взрослой жизни женское начало на подростковом этапе сталкивается с Богом данным началом мужским. Несколько лет подростки трудно управляемые. А затем внутренний конфликт разрешается тем, что кто-то так на всю жизнь и остается обабившимся мужчиной, а другой, отбросив женское начало (и многое хорошее в воспитании, что дали ему женщины), хамеет, строит из себя крутого. К счастью

не ведет ни та крайность, ни другая. Получается, что мужчины изначально как бы приговорены к несчастной судьбе. Ну а женщины разве смогут быть счастливы, если несчастны мужчины? Никогда! Все мы едины в обществе, и только все вместе бываем счастливы или так же вместе – несчастны. Добавьте еще к бедолагам мужчинам миллионы брошенных детей и десятки миллионов пожилых людей с их нищенской пенсией. И здесь, кстати, тоже нельзя не видеть женскую руку. Чья, в первую очередь, должна быть забота о детях и стариках? Женщин, конечно же. Но они – эмансипированные, работающие наравне с мужчинами эту заботу перед Богом предпочитают не видеть.

Я бы не хотел, чтобы кто-то обвинил меня в антифеминизме. Я не против женщин, а против такой организации общества, при которой женщины в силу объективных причин не могут исполнить свои основные функции: детородную, воспитательную и призрения. А ведь именно это и есть начало начал, в этом благополучие семьи, а значит – общества и государства.

Спросите: что нужно сделать? Реформировать систему воспитания и образования. Но её и так все время реформируют! Да, реформируют, но не в той плоскости, о которой мы ведем речь. Мы говорим о том, что главной целью этой системы должно быть воспитание у мальчиков (юношей) мужских качеств, а у девочек – женских. В общем котле нынешней школы этого не достичь. Необходим принципиально иной подход. Мальчиков нужно воспитывать в мужской среде под руководством «дядек», а девочек – в женской при классных дамах. Я ничего нового не открываю. Все частные и религиозные школы за рубежом разделены по признаку пола. В дореволюционной России вообще все школы (гимназии) были разделены. У нас в СССР сразу после войны школы тоже поделили на мужские и женские, да еще плюс к этому, специально для подростков, устроили суворовские, нахимовские, военно-морские, артиллерийские подготовительные училища и специальные школы ВВС. Я не думаю, что тогда, когда нужно было поднимать страну из руин после войны, у государства было больше денег, чем теперь. И форму школьную тогда же ввели. И учебники были доступные по содержанию, и не было их множества, которое только вредно для молодых умов. И стоили они копейки.

Вот именно в той системе воспитывались и образовывались славные «шестидесятники», которые вместе с водой (социальной системой) выплеснули и ребенка (воспитание и образование).

Однако в своих мыслях я, кажется, увлёкся; идей о том, как воспитывать молодежь, – море разливанное, от Аристотеля, Сенеки, Гельвеция, Л.Н. Толстого, Д.И. Менделеева, К.Д. Ушинского и А.С. Макаренко до педагогов наших дней. Совсем несложно у них ума набраться, да и за границу глянуть не лишнее, особенно в сторону преуспевших азиатских, которые уже долгий период являются поставщиками «мозгов» для Запада.

Поскольку поезд метро меня доставил к месту моей работы, мне и пришлось сменить объект моего внимания.

Но пока я еще не вошел в аудиторию и темы для чтения лекции не возникло, отмечу, проходя, ещё один штрих.

Уступил место пожилой дамочке, как мы вспомним, курсант Академии МВД. Кто-то скажет: вот этот молодой человек воспитанный. Не стану спорить. Но вспомню бывшее в пору моей молодости в Киевском артиллерийском училище, которое имел удовольствие и честь закончить. Нам тогда тоже все – от родителей и до всяких высоких инстанций – говорили о необходимости уважать пожилых людей и, конечно же, уступать им места всегда, когда в этом есть необходимость. А чтобы избежать недоразумений, для непонятливых и наглых командир дивизиона популярно разъяснял: «Если увижу курсанта сидящим в общественном транспорте, – месяц неувольнения в город». Вот так вот, все ясно и понятно. Нагуляешься в воскресенье в увольнении, ноги гудят от усталости, троллейбус полупустой, но сесть не тянет: не дай Бог кто-нибудь из офицеров заметит. А сейчас даже в забитом метро курсант может сидеть. Так хорош ли он?

Ладно, закончим назидательную проповедь, войдем в аудиторию, посмотрим на очаровательные первые ряды сидящих студенток, а мальчики почему-то предпочитают прятаться в глубинах зала, скажем «здравствуйте», попросим сесть тех, кто все-таки привстал при входе преподавателя. В МГИМО, говорят, все студенты встают, там так принято. А у нас встают именно очаровательные представительницы в первых рядах, ну и какие-то единицы в глубине. Пробовал ждать в надежде, что встанут все. Не получилось, потому что сейчас, оказывается, в школах (надеюсь не во всех) не требуют, чтобы ученики при входе учителя встали. Разум отказывается в это верить. Думаю, что в провинции ученики все-таки встают.

О лекции вряд ли есть смысл говорить, ибо она получается когда лучше, когда хуже, но суть её остается той же, что записана в програм-

ме курса плюс к этому какие-то примеры из международных отношений. Иногда это самому доставляет удовольствие, иногда – нет. Скорее даже скажем так: первая пара, на которую вынужденно (может проверить деканат) приходит много студентов, в том числе те, которым на учебу наплевать (им бы быстрее диплом получить), удовольствие лектору не доставляет. И тогда, по совету очаровательных девушек с первых рядов, приходится пускаться на хитрости. Они просты: надо по истечении первого часа или немного позже сказать: «Ребята, давайте сейчас сделаем перерыв, а минут через десять продолжим». Глубина зала ликует. Она, конечно же, найдет себе занятие интереснее вне вуза. А в зале останутся те, кто хочет и может учиться. Слово «может» надо бы подчеркнуть, так как добрая половина студентов (не студенток) учиться и не хочет и не может, но деньги за учебу платят и студентами числятся.

Когда я вспоминаю эту половину, то так и тянет по примеру Н.Г. Помяловского написать «Очерки студенческой бурсы», уж больно похоже.

Итак, сотворив маленькие хитрости и освободившись от «балласта», продолжаем занятия с тем, кого можно назвать «любителями международного права» и кто может доставить преподавателю удовольствие, задав иногда очень интересный вопрос. В этой аудитории мне не кажется нужным ограничивать студентов формальностями – вопросы они могут задавать в любое время, не ожидая конца лекции; в конце у них в голове могут возникнуть иные мысли, да и времени на ответ может не хватить.

В общем, проехали мы «право войны», миновали комбатантов, партизан, разведчиков и лазутчиков, завершаем принципы, средства и способы ведения войны. Сказал им о тех видах оружия, которые запрещены к использованию и уже перешел к описанию вероломных способов ведения войны, когда из неблизких рядов «засемафорил» студенческая рука. Закончил я фразу, спустился с кафедры в проход, подошёл к любопытствующему поближе и говорю:

Ну, что тебе, голубчик, неясно, и что неймется?

Он встал (это я их хоть к этому приучил) и как-то неуверенно, но с хитрецей спрашивает:

- Вы, Юрий Дмитриевич, сказали, что, то, мол, и это к применению запрещено, но мы вот тут – он неопределенно кивнул в сторону своих соседей – сомневаемся, что участники вооруженных конфликтов

будут эти запрещения исполнять. Вон, американцы используют в бомбах и снарядах обедненный уран, да и о готовности применить тактическое ядерное оружие малой мощности напоминают постоянно. И химоружие они применяли. Если им можно, то и другим тоже, не так ли? Тогда что же остается от благородных правовых норм, которые вы перечислили, какова их эффективность?

Вопрос мне показался интересным, и я уже было собрался объяснить собеседникам, что отдельные нарушения норм права, конечно же, ослабляют, но не отменяют само право, и поведение американцев можно подкорректировать, но студент, переглянувшись с друзьями, продолжил:

- Вы, Юрий Дмитриевич, извините, что я опять заговорил, но у нас многие говорят, что мол, международное право, будучи по своему характеру координационным, не эффективно, да и кажется, – он поколебался и вновь повторил, – да и кажется, оно с очень большой натяжкой может считаться правом.

Заметив мой возражающий жест, студент упрямо мотнул головой.

Я сказал, как вы заметили, «кажется». Я, точнее мы, – он повел рукой, как бы присоединяя других студентов к своему мнению, – наверное, ошибаемся, но вопрос у нас шире: почему международное право недостаточно эффективно; кто и почему мешает его эффективности?

Да, вопрос перешел в плоскость более широкую, чем это предусматривала тема лекции. Но глаза всех моих студентов были устремлены на меня и полны любопытства. В зале стало совсем тихо, и лишь с улицы, сквозь закрытые в зиму окна, доносился прерывистый слабый шум. Обдумывая ответ, я попятился от центра зала к своей интеллектуальной опоре на первых рядах, где, как я видел, девушки уже явно намеревались перейти в атаку на нарушителя спокойствия, взмахом руки удержал их порыв и начал ответ.

Видите ли, вы поднимаете, может быть, самый главный вопрос. И, кажется он не только из области международного права. Но сначала давайте разберемся с тем, плохо ли, что международное право координационно, что государства обязуются лишь теми нормами, которые они добровольно приняли. Думаю, что это достоинство международного права. Никто никому ничего не навязывает. Разве это плохо? Ты сам принял обязательство, и сам же его исполняешь по принципу *pacta sunt servanda*. Нужна ли какая-то особая инстанция, которая заставляла бы субъекты права исполнять то, что они сами обязались исполнять?

В молодом задоре вы скажете, что, мол, в мире все время имеют место раздоры и войны. Да, это так. Но это лишь часть, и в основном политики, а не права. Если вы мысленно окинете мировые дела, то увидите, что тысячи и тысячи норм, охватывающих практически все сферы мировых общественных отношений, работают вполне исправно. Даже сфера безопасности, несмотря на все эти конфликты и войны, в ряде регионов земного шара обеспечена успешно. Мы это видим сейчас в Европе, на Дальнем Востоке, в Северной и Южной Америке, в Азии. Там межгосударственные отношения на базе принципов и норм международного права отладились. Они отладились внутри регионов. Если же в эти отношения вторгаются извне, ситуация меняется. Так, США и НАТО в 1999 г. вторглись в Югославию. Международное право оказалось нарушено. В 2003 г. Великобритания и США вторглись в Ирак. Опять пострадало международное право. Далее США наметили очередные жертвы: Иран, КНДР, Куба, Сирия и, как говорится, далее везде. Будет нарушено международное право? Безусловно. Но разве в этом виновато само международное право?

Возьмите сферу государственного (конституционного), гражданского, уголовного, административного права и т.п. Там тоже имеют место правонарушения, иногда и очень серьезные. Но ошибкой будет считать, что в нарушениях виноват правопорядок. Нет, всегда и только виноваты субъекты правопорядка. И способы ведения войны нарушать будут конкретные лица. Вам хочется обуздать этих лиц. И мне этого хочется. Но как этого добиться?

Можно, и есть немало доказательств этого. В VII-VI веках до нашей эры в Афинах вывели уголовщину простым путем: за все преступления, в том числе за мелкое воровство, наказание было одно – смертная казнь. И когда законодателя Драконта, который в 621 г. до н.э. составил, пожалуй, первый вообще уголовный кодекс, спросили, почему у него за все преступления предусмотрена смертная казнь, он ответил, что, к сожалению, ничего более жестокого для преступников он придумать не смог. Кстати, от этого Драконта пошло выражение «драконовы законы». В результате «драконовых законов» уничтожили в Афинах всех действующих уголовников и запугали до смерти всех потенциальных. То же было в Спарте, в республиканском Риме. Сейчас, хоть и не столь откровенно, вы можете это видеть в ряде мусульманских стран. Иначе говоря, если вы хотите навести нужный вам порядок, то соглашайтесь на ликвидацию либерализма и демократии. Согласитесь?

В зале повисло тягостное молчание. Кто-то в углу слабо пытался мне возразить, но сразу же замолк. И глаза опустились: вроде и не виноваты, но малодушны.

Вот так-то, ребята. Не право делает себя эффективным, а участники правоотношений: государства, физические и юридические лица. Это они приспособливают к себе правопорядок. Мы с вами к этому тоже причастны, но особым образом, через нашу гражданскую позицию.

Для большей ясности возьмем еще одну большую и важную сферу – государственно-правовую. Можем мы сказать, что в стране плохая организация государства, если какая-то часть общества оказывает вооруженное сопротивление? У нас это происходит в Чечне, в Испании – в провинции басков, в Великобритании – в Северной Ирландии, во Франции – на Корсике. С одной стороны, на вопрос этот можно ответить положительно. А с другой стороны, разве Масхадов, Басаев и другие боевики – это весь чеченский народ, а ИРА – это все северо-ирландцы, а ЭТА – все баски? Нет и нет! Значит нельзя явления общественной жизни воспринимать однозначно, ибо у каждого явления всегда два лица, и каждое соответствует интересам тех или иных политических сил, а еще больше – изменчивому социальному состоянию общества и особенностям текущего момента. Это, кстати, азбучная истина и метод работы дипломата за рубежом. Вы это применяете, если хотите понять общество, в котором вы находитесь, и определить перспективы его развития.

Я не слишком сложно выражаю свою мысль? Нет? Тогда пойдём дальше.

Возьмём международный правопорядок. Его основные субъекты – государства. Если вы хотите понять правопорядок – поймите государства, его субъектов. Для этого вам придется вспомнить основные, самые основные признаки государства. Помните?

Что-то вы неуверенно киваете головами. Забыли? Ничего, многие выпускники и на государственных экзаменах этого не помнят. К их стыду, конечно. Хорошо, я напомним, а то издали больше десятка учебников по теории государства и права, а от такого изобилия и у ученого голова кругом пойдет.

Итак, первый признак – это территория. Суть этого признака в том, что территория у разных государств разная и по климату, и по природным богатствам, и по географическому положению. Иначе говоря, – это условия, в которых проживает на данной территории народ.

Народ – это второй признак, органически связанный с первым. Условия жизни определяют во многом характер, качества народа. Все народы по качеству друг от друга отличаются. Нет народа хуже, нет лучше. Просто все народы разные, и их нельзя мерить единым аршином. Смешно и глупо сказать арабу, китайцу, индусу или русскому, что хорошо жить по-американски или по-европейски. Уклад жизни народа определен его историей, если не сказать – Богом.

Третий признак государства – его публичная власть, которую создает народ (более активно или менее) в соответствии со своими особенностями и укладом жизни. Лишь внешние формы государства могут походить, а по содержанию они всегда отличны. Вы не можете пересадить чужое государственное устройство на свою почву. Или вам придется приспосабливать к нему народ, а это очень и очень сложно. Проще создать нечто похожее, но своё.

Четвертый признак – это система права, которая, конечно же, является производной от государственной власти, ибо именно государство создает, приспосабливает и изменяет нормы права. Право зависит от политики, а не наоборот.

С признаками государства покончили. А почему нам это нужно было? Да чтобы понять суть государств и разобраться, почему именно такую совокупность норм, называемых международным правом, они создали. Не лучше, не хуже, а именно такую.

И вот, если в этом как-то разобрались, по крайней мере поняли содержание основных государств среднего мира, то вам станет понятно, почему нормы международного права приняли такой вид. Дальше вы думаете, а нельзя ли это право как-то улучшить, поскольку оно вам кажется недостаточно эффективным. Что ж, подумайте, а потом скажите, к какому выводу вы пришли. Можете даже дипломную работу написать по этой теме.

Ну, что скажете или, может быть, напишете уже сейчас в виде какой-никакой контрольной работы?

Зал протестующе загудел: им все-таки лучше, чтобы работал я. А хорошенькая отличница из первого ряда так и заявила:

– Скажите лучше вы, Юрий Дмитриевич: зачем нам детские эксперименты?

Ну вот, они все еще считают себя детьми в свои двадцать лет. Может я не прав, привычно обращаясь к ним «дети», «ребятки». Но ведь они еще как бы и не совсем взрослые – рассуждают и ведут себя по-детски. А не делаем ли мы их сами малолетками?

Я прошелся по проходу, ожидая других мнений. Но они не последовали.

– Хорошо. Немного подытожим. Правопорядок (любой) зависит от качества субъектов. Международный правопорядок – от качества государств. А это качество от чего зависит?

Я поощрительно ухмыльнулся, помахав призывно рукой: давайте, мол, шевелите мозгами. Эта же хорошенькая отличница задумчиво и не очень уверенно произнесла:

От нас, от граждан, это, должно быть, зависит.

Так-так, от нас, поскольку государство – это, если верить Аристотелю, политическое общение граждан. У нас, правда, великого грека «подправили», сказав, что государство – это политическая организация общества. Вышло хуже. А почему?

Тут раздался голос из малочисленной группы в центре зала:

– Так не понятно, кто организует общество: оно само себя или какой-то узурпатор?

– Верно, но и узурпатор не возникает ниоткуда. Он продукт своего класса, которого поддерживает большинство общества, неважно, активно или пассивно. В любом случае правящий режим страны – это результат политического общения или необщения граждан. Разбежались, скажем, граждане по дачным участкам или по квартирам – один результат, вовлеклись в политическое общение – другой. Реагируют на поведение власть предержащих должным образом – власть улучшается, не реагируют – не жди ничего хорошего как внутри страны, так и за рубежом. Хотите примеры? Возьмем самоочевидный – агрессия США и Великобритании против Ирака в марте – апреле 2003 года. Как реагировали народы этих стран на намерение Буша и Блэра применить вооруженную силу в Ираке вопреки мнению Совета Безопасности ООН? Они дружно поддержали это намерение. Я понимаю, что простые люди в отличие от вас не читали Устава ООН, и они, пожалуй, слыхом не слыхали, что в 1974 г. ООН единогласно приняла определение понятия агрессии. В нем черным по белому написано, что применение вооруженной силы против суверенного государства является актом агрессии. А агрессия – это тячайшее международное преступление, за которое должна следовать персональная ответственность должностных лиц.

Так вот, граждане США и Великобритании не знают этих международных великомудрствований, но что такое война, они всё-таки представляют. И то, что на войне гибнет масса невинных людей, они тоже

знают. Знают, тем не менее поощряют. А если бы граждане этих стран сказали войне «нет!», была бы агрессия возможной? Нет.

Хорошо, мы говорим о недомыслии англо-американцев. А как реагировал остальной мир? В разных странах имели место демонстрации против войны, но подавляющее большинство людей жили по принципу: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». Иными словами, не было политического общения масс в связи с агрессией. Руки агрессоров оказались развязаны. Получается так, что люди хотели бы, чтобы войн и актов агрессии не было, но полагают, что защитить их от этого зла должны строчки, положенные на бумагу и названные нормой права. Так не бывает. Норма права не действует сама по себе. Норма – это руководство к действию для тех, кто должен её исполнить. А если эти должные лица её не исполняют, то они подлежат отстранению от должности. Если, к примеру, руководители силовых ведомств не могут обеспечить спокойствие и безопасность граждан, значит, они просто не способны к этой работе, и их не укорять надо, а заменить.

А в международном плане – то же самое. Если правители какой-то страны совершили акт агрессии, т.е. международное преступление, то и относиться к ним нужно соответственно. Вы, конечно, сейчас думаете, что как же можно относиться к США и Великобритании, нельзя же их игнорировать. Да, государства игнорировать нельзя. Даже гитлеровскую Германию мировое сообщество не могло игнорировать, ибо, как сказал Сталин: «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается». Гитлеровская камарилья села на скамью подсудимых и погибла, а Германия поднялась из руин. Случай с США и Великобританией гораздо более мелкий, но ...его нельзя было оставлять без последствий, так как это может вести к новым рецидивам агрессии. Спросите: а что можно сделать? Отвечаю: в апреле с.г., т.е. сразу по следам агрессии, священнослужители церкви Рождества Христова в Вифлееме объявили, что «отныне и вовеки(!)» запрещен вход в эту церковь президенту США Бушу, его министру обороны Рамсфельду, британскому президенту Блэру и его министру иностранных дел Стро. Их объявили «военными преступниками и детоубийцами». От муниципалитета Вифлеема потребовали «никогда не принимать в городе этих людей». По сути, эти люди получили церковное проклятие, но проклятие лишь от одной церкви из тысяч и тысяч их по всему миру. Наша церковь, кстати, тоже осудила агрессию против Ирака, и папа Римский тоже не отстал, но не осуждать надо было (судить – это дело Бога),

а проклясть! Уверю вас, что в этом случае другим было бы неповадно совершать акты агрессии, как, кстати, и внутренние преступления, если бы за них отлучали от церкви. Ведь церковное проклятие может стоить больше судебного приговора: ты, вроде, находишься в обществе и от него же отторгнут; а человек – это все-таки существо общественное.

И люди в разных странах могли бы требовать от своих властей, чтобы они не общались с агрессорами, с теми же лидерами США и Великобритании. Конечно, вы не можете игнорировать эти государства, но не общаться с личностями, на совести которых тысячи убиенных, вполне возможно. Нужна реакция именно общественных сил: она приводит личности к власти и она же их оттуда выкидывает. Только общество, которое страдает от войн и конфликтов, может положить им конец. А создание в этих целях международных органов – дело, в общем-то, бессмысленное. Создали, скажем, с июля 2002 г. Международный уголовный суд. Ну и что? Кого судить-то он будет, если США не признали и никогда не признают его юрисдикции?

– Вот и думайте теперь о путях повышения эффективности международного права. Когда мир на планете будет обеспечен? Когда, как сказал, кажется, на XIX съезде партии И. Сталин, народы возьмут дело обеспечения мира в свои руки. Я выше уже сказал, что могла бы сделать церковь. А что могли бы сделать политические партии и другие общественные организации? Очень многое! Ведь у нас 90 % населения были против англо-американской агрессии. Вот и организуйте протестные акции, требуйте, чтобы правители исполняли нормы международного права. Помните, что нормы права не сами исполняются, а их не исполняют люди. И не пеняйте, как та обезьяна, на зеркало, коли рожа крива.

Сами и пальцем пошевелить не хотим. К примеру, стали ли с большим вниманием относиться к международным делам? Поняли ли вы, что эти дела много важнее дел внутренних? Сделали ли вы хоть минимум, отказались от доллара в пользу рубля или хотя бы в пользу евро? Реагируете ли вы на вопросы к вам по телевидению о вашей позиции по тем или иным вопросам?

Я замолчал, и студенты молчали. Их состояние было понятно. Если солидные взрослые дяди все время жалуются на нехватку норм права для наведения порядка, то эти причитания стали обычными. Они даже как-то греют душу, ибо не ты отвечаешь за беспорядок, а отсутствующая правовая норма. Но эти нормы нельзя плодить до бесконечности. Исполните прежде то, что уже есть. Но для этого и мозги нужны пра-

вильные, и нравственность, и, конечно же, квалификация. А если каких-то из этих качеств нет? Оставь должность, которую ты «не тянешь». Так что, значит, кадры действительно решают все? Выходит, что именно так! Но не говорить же сейчас об этом. И без этого слишком о многом надо бы сказать, но ни времени нет, ни возможности.

– В общем, уважаемые любители международного права, вы, я надеюсь, поняли, как все в жизни взаимосвязано: начинаем с международного права, приходим к его субъектам, к их качеству, затем – к обществу, и в конечном итоге упираемся в человека. Вместе взятые люди, объединенные общей территорией, языком и судьбой, составят нацию; она, в ходе политических процессов, – государство, а государства взаимно обязуются нормами международного права. Если вы выучите только учебник, нормы, составляющие отрасли международного права, вы мало что поймете. Не предметы всего лишь заучить надо, как представляется тем студентам, что, полагаясь на учебники, не ходят на занятия, а образование получить надо, позволяющее не только знать предметы, но и понять их взаимосвязь: иначе жизнь ваша будет прогулкой ночью по лесу, где за каждым кустом видятся глаза волка. Только образование позволит вам видеть обе стороны каждого явления, и не только общественного, но, кстати, и личного.

Теперь, двигаясь к концу своей импровизированной лекции, хотел бы вновь затронуть вопрос об эффективности любого правопорядка. Уже было сказано, что самый прямой путь – это ужесточить наказание по линии исполнительной власти. Но жестокость, которая может быть принята обществом в годы войны, вряд ли сгодится во времена мирные. Как быть в этом случае? Надо воспитывать общество. Нужны правоохранные меры должной строгости и, конечно же, постоянное и неуклонное воспитание людей. Государство, вообще-то, для того и создается, чтобы мобилизовать общество на достижение общественно полезных целей.

А что у нас по аналогии получается в международной сфере? Очень многие, в т. ч. известные ученые у нас и за рубежом, видят панацею в том, чтобы наделить исполнительными функциями какие-то международные организации или создать квази-мировое правительство. При этом ссылаются на то, что существующий международный правопорядок координационного типа не может предотвратить беды и лишения человечества. Ко всем продолжающимся войнам и конфликтам добавился терроризм, все больше государств стремятся обезопасить

себя приобретением ядерного оружия. По их логике получается, что если субъекты международных правоотношений не могут вести себя ответственно, то их надо заставить. Вопрос только в том, кто будет заставлять? Совет Безопасности ООН? Он не мог прекратить агрессию даже в свои лучшие времена. США, как наиболее сильное государство? Не смешите, пожалуйста. Это все равно как нанять волка стеречь овчье стадо. Можно, конечно, упрятать силу США под мифическое мировое правительство. Но... кому нужно такое правительство? Ничего таким образом не получается. Идти нужно в ином направлении: не в сторону создания мирового исполнительного органа, а к демократизации уже имеющихся организаций. Слабость этих организаций в том, что они выражают интересы национальных правительств. А эти правительства, особенно в западных – наиболее влиятельных – странах далеко не всегда популярны в глазах собственных народов. Они отражают узкие классовые интересы. И любой международный (правильнее было бы сказать межправительственный) орган отражает интересы правящих классов или, скажем иначе, интересы наиболее влиятельной группы западных стран. И система ООН этим грешна. Дело осложняется еще тем, что конституционно за внешнюю политику государств отвечает именно исполнительная власть (президент, премьер, правительство). Круг замкнулся. А разрывать его, на мой взгляд, должны парламенты, опирающиеся на определенно выраженную волю народов. Народ страдает от войн, а не правители, народы и должны их ликвидировать, в том числе через избираемых представителей.

Однако, похоже, мы слишком далеко отклонились от учебного плана. То, что мы сегодня не прошли по теме, изучите, пожалуйста, по учебнику. Если возникнут вопросы, мы их рассмотрим перед следующей лекцией. Пока все. И храни вас Господь!

Студенты шумно потекли к выходу, я смотрел на них и привычно недоуменно думал: почему умные отличницы девочки из первых рядов, получив в вузе приличное образование, отходят со временем в тень, а в вперед и наверх выходят оболтусы – троечники из задних рядов; как в обществе проложить дорогу вперед умным и образованным? Ведь без интеллекта, наглостью и напором, никаких задач не решить. Без интеллекта мы так и останемся жить в согласии с поговоркой, что в России плохие дороги и дураков много. Но как открыть дорогу умным, если в стране нет ответственности за порученное дело? Без спроса за дело и дурак сойдет, в должности.